

Се Шэньсин всегда испытывал к Нин Хуаю необъяснимое доверие, и Нин Хуай не понимал, откуда оно взялось. Впрочем, он действительно ни разу не проговорился ни о чём из сказанного ему Се Шэньсином.

— Разве быть наследным принцем плохо? — мягкий голос Нин Хуая прозвучал из щели между их объятиями.

Се Шэньсин с жадностью гладил спину юноши, чувствуя, как тот, подобно кошке, взъерошился от его прикосновений.

— И хорошо, и плохо.

— Ваше высочество, не говорите мне об этом, я не понимаю.

Се Шэньсин тихо крикнул, неохотно отпуская его, но руки всё ещё лежали на плечах Нин Хуая, заставляя того смотреть ему в глаза.

— Перед отъездом я хотел увидеть тебя. Завтра обязательно приди к Вратам Фэнсянь, хорошо?

Нин Хуай, смущённый его взглядом, робко ответил:

— Я приду.

На следующий день у Врат Фэнсянь второй принц Се Шэньсин, сидя на серебристом коне, возглавил тысячный отряд, направлявшийся в город Ванчжоу, под приветственные возгласы провожающих чиновников.

Нин Хуай стоял рядом со своим старшим братом Нин Ду, провожая взглядом удаляющегося Се Шэньсина.

Однако всё это мало касалось Лу Сяо.

После отъезда второго принца ему всё равно приходилось ходить на аудиенции, жалованье не увеличилось, и количество выходных дней не изменилось. Напротив, однажды после аудиенции он снова встретил евнуха Хуя. Тот улыбался, словно достигший просветления дух, заставляя Лу Сяо задуматься о выборе, стоящем перед ним.

Уйти или остаться.

Лу Сяо крючком пальца вытащил из-за пазухи Замок долголетия, висевший на красной нитке. Когда Лу Сюэхань нашёл его, Лу Сяо было всего шесть лет, и после тяжёлой болезни он забыл

всё, что было до этого. Лу Сюэхань подобрал его в куче камней на пустошах возле Юньчжоу. Тогда на мальчишке была одежда, явно женского покроя, вероятно, принадлежавшая его матери. А этот Замок долголетия висел у него на шее с тех пор, возможно, последняя вещь, оставленная родителями.

Каждый раз, когда его одолевали сомнения, Лу Сяо по привычке начинал теревить этот замок. Сейчас он невольно вспомнил множество событий из детства.

Жизнь полна ловушек и ям, и на каждом шагу нужно быть осторожным. Слова Нин Хуая были верны: ему незачем было бежать после того, как опасность миновала. Но что удерживало его, так было не только опасность, но и беспокойство старшего брата, казавшееся слабым, но ложившееся на его плечи тяжёлым грузом.

Лу Сяо был всего лишь одним неразговорчивым родственником, и он поставил себя на место Нин Хуая, чтобы сравнить.

Каждый раз, когда Нин Хуай выходил из дома, формально с ним было только четверо слуг, включая кучера и слугу, идущего рядом. На самом деле этот маленький глупыш никогда не замечал, что, возможно, князь Нин или наследник, когда они с Лу Сяо были вместе, всегда размещали не менее четырёх бойцов в радиусе ли, чтобы защитить их.

Нин Хуай с детства рос в любви, изредка даже считая, что требование князя Нина хорошо учиться было обузой. А Лу Сяо, привыкший к легкомыслию, был подавлен редкими проявлениями заботы со стороны Лу Сюэханя.

Взвесив всё, Лу Сяо всё же сдался.

Где бы ни жить, главное было успокоить Лу Сюэханя, и сейчас это было самым важным.

Узнав о его решении, Лу Сюэхань молча уволился с работы учителя, словно был уверен, что поданный Лу Сяо доклад обязательно будет одобрен.

Лу Сяо не стал скрывать от Нин Хуая, прямо сказав ему, что уже подал доклад. Возможно, Нин Хуай был уже готов к этому, потому что не стал, как раньше, капризничать, а лишь с обидой в голосе уколол его:

— Ты, неблагодарный, уже собрал вещи, а теперь только сообщаем мне.

Однако произошло невероятное совпадение: всего через три-пять дней Лу Сяо получил одобрение императора на свою просьбу. Подождав ещё немного, он узнал, что местом его назначения стал Юньчжоу. Губернатор Юньчжоу был стар и месяц назад подал прошение об отставке, чтобы вернуться на родину, а управление областью временно перешло к секретарю. Лу Сяо был чиновником пятого ранга в столице, и его перевод должен был быть на равнозначную должность, но губернатор Юньчжоу был чиновником пятого ранга. Император,

желая сохранить ему лицо, даже пожаловал ему множество охранников и слуг, под предлогом, что путь в Юньчжоу долог и требуется охрана для безопасности господина Лу.

Император Юнькан лично назначил людей, и теперь о переводе Лу Сяо знали не только его коллеги из Министерства налогов, но и весь двор.

Лу Сяо снова испытал ужас от нашествия гостей. В ту ночь, лёжа в постели и притворяясь спящим, он вдруг поймал промелькнувшую в голове мысль и изо всех сил попытался её ухватить, отчего голова снова пронзительно зазвенела.

Он забыл сообщить Ци Цзяньсы.

Лу Сяо давно не видел Ци Цзяньсы. Однажды, выйдя после купания, он обнаружил под карнизом свежие пирожные из лавки Биюйчжай, явно принесённые Ци Цзяньсы. Лу Сяо был в недоумении: этот человек оставил пирожные снаружи и ушёл, даже не поговорив с ним.

С тех пор, кроме аудиенций, Лу Сяо больше не видел Ци Цзяньсы. Он тоже не хотел выставлять их частные отношения на всеобщее обозрение, и в сердцах обоих было много забот, так что до сих пор у них не было личных встреч.

Ци Цзяньсы действительно был обижен.

Один день, два дня, на третий день после полудня порог дома Лу был истоптан, но среди всех посетителей не было Ци Цзяньсы. Лу Сяо запаниковал. Та мысль, которая озарила его, не исчезла, а превратилась в мелкий, пронизывающий дождь, повсюду напоминая: «Ци Цзяньсы считает тебя другом, а как ты поступил?»

Отъезд был назначен на первое число следующего месяца. Лу Сяо за три дня разобрал документы и передал их коллегам. Он мучился всю ночь и, вопреки привычке, встал рано утром, стараясь выглядеть приветливым, ожидая у стены дворца, когда господин Ци выйдет после аудиенции.

Сегодня красавец не шёл один, а шагал рядом с наследником князя Нина. Что бы ни сказал холодный Нин Ду, Ци Цзяньсы вдруг улыбнулся, словно рассыпая весенний свет. Лу Сяо, наблюдая издали, с досадой подумал: «Красота сбивает с толку, теперь придётся искать встречи с ним».

Нин Ду повернулся и сел в карету княжеского дома. Лу Сяо подобострастно подошёл к Ци Цзяньсы, слегка запрокинув голову, и, вспомнив, как Нин Хуай капризничает, с невинным выражением спросил:

— Ци Цзяньсы, почему ты больше не приходишь ко мне?

Сказав это, Лу Сяо мысленно плюнул на себя. Со стороны его красивые глаза, обычно полные

тысяч эмоций, сегодня выглядели невинно, но без искренности, словно лис, превратившийся в человека, чтобы обмануть.

Ци Цзяньсы, сдерживая множество вопросов и гнева, лишь молча смотрел на него.

Лу Сяо продолжил, перекладывая вину:

— Я скоро уезжаю из Чанъаня, разве ты не хочешь меня увидеть?

Ци Цзяньсы сузил глаза, с трудом сдерживая эмоции:

— Господин Лу, какой размах! Если бы не личное назначение императора, я бы, возможно, не узнал о вашем отъезде из столицы ещё много лет.

Он всегда был прямолинеен, не понимая, что такое такт, и эти слова были ещё мягкими, не задевая самое больное место Лу Сяо. Ци Цзяньсы из Палаты цензоров, обычно непоколебимый, был настолько раздражён Лу Сяо, что даже изменил свою манеру речи.

Лу Сяо сменил выражение лица на серьёзное, словно собирался последовать за уехавшим десять дней назад вторым принцем на войну, и произнёс всего три слова:

— Я виноват.

Он признавал свою вину быстрее всех, и эти три простых слова слетали с его губ, независимо от того, думал ли он так на самом деле, лишь бы успокоить человека.

Ци Цзяньсы...

Ему с трудом удалось сохранить лицо, а этот человек так быстро подставил лестницу, и он не хотел спускаться так скоро.

Очевидно, Ци Цзяньсы изо всех сил старался не показывать, что ему это нравится, и с подавленным видом сказал:

— Господин Лу, вы шутите. Мы знакомы всего несколько дней, и я могу понять, что вы не хотели сообщать мне об этом заранее.

Лу Сяо сделал вид, что шокирован:

— Ци Цзяньсы! Я знал, что вы резки в суждениях на аудиенциях, но не думал, что в частной жизни вы так искусны в сарказме!

Точно, идеальный переворот вины. Хотя Ци Цзяньсы редко сталкивался с ним лицом к лицу, он наблюдал за ним много лет и хорошо знал этого человека. Понимая, что не сможет победить в

словесной схватке, он в спешке вдруг обнаружил в себе невероятный потенциал, бросил на Лу Сяо взгляд и, не сказав ни слова, собрался уйти.

Лу Сяо был шокирован!

Для него этот взгляд был полон упреков и обиды, и самое ужасное было то, что такие глаза были на лице Ци Цзяньсы.

<http://bllate.org/book/15439/1369306>